

Дарья Семёнова

Красноярский лицей №2, 9 класс
.....

Что действительно важно

У каждого из когда-либо живших или ныне живущих людей есть своя неповторимая, как отпечаток пальца, дорога, которая так просто и непримечательно называется — Жизнь. Она — как небольшая тропинка в лесу: постоянно поворачивает (порою даже не туда, куда хотелось бы), поднимается в гору и обрывается вниз, меняется, и ты никогда не знаешь, что тебя ждёт за следующим поворотом. Люди, чьи дороги пересекаются с твоей, тоже постоянно меняются, приходят и уходят — в этом нет ничего плохого. Но кое-что остаётся с тобой на протяжении всего пути. Важное, дорогое, столь же необходимое, как карта для путешественника. Что-то, благодаря чему ты никогда не чувствуешь себя совсем одиноким в этом мире.

Вечер проходит непримечательно и снова с той же компанией: я, надрывно плачущий за окном сентябрь и просто невыносимая скука. Все дела переделаны, а мне очень хочется чем-нибудь заняться и в то же время совсем не хочется ничем заниматься. Так и сижу, растёкшись ленивой лужей в кресле и глядя на стекающие по окну дождевые капли. От скуки мне даже приходит мысль о том, что пора бы почистить и рассортировать файлы на рабочем столе своего компьютера, а то очень уж много ненужного там развелось, и поиск необходимого документа теперь занимает уйму времени.

Поначалу «уборка» идёт медленно. Я нехотя перебираю файлы и копаюсь в папках, но вскоре увлекаюсь и полностью погружаюсь в процесс. Перебираю свои очень старые работы с улыбкой и лёгкой неловкостью, что вызваны былым неумением грамотно излагать полёт мысли. Чувствуя азарт и свою власть над происходящим, беспощадно удаляю всё ненужное, освобождая всё больше места в угоду своему внутреннему минималисту. Взгляд спотыкается о папку с лаконичным названием «Фото. Даша». Никаких фото, которые могли бы там быть, я не припоминаю, поэтому, неразборчиво бормоча: «Странно, странно...» — открываю её.

Содержимое меня потрясает: там оказывается множество моих детских, местами некачественных и размытых, фотографий, о которых я никогда не знала. Даже фотоаппарат, которым, вероятно, были сделаны эти фото в далёком две тысячи восьмом, давно и безвозвратно утерян. Встрепенувшись и заинтересованно подавшись ближе к монитору, я открываю первую фотографию.

С экрана на меня радостно смотрит маленькая трёхлетняя Даша в тёплой розовой курточке, шапке и шарфе. Я стою рядом с бронзовой скульптурой клоуна, той, что около цирка. У скульптуры ярко блестя и золотится на тусклом солнце большой клоунский нос, затёртый от постоянных людских прикосновений «на счастье», мой же нос семафорит всеми оттенками красного, ведь на улице — холодный сибирский март две тысячи восьмого года. В дальних уголках памяти что-то начинает шуршать и шевелиться, как будто кто-то сдувает пыль со старых фотокарточек. Кажется, тогда я с семьёй впервые пришла в цирк. Конечно, спустя двенадцать лет я уже не помню ни момента, когда была сделана фотография, ни самого представления. Но даже сквозь мутную плёнку времени я всё ещё слышу свой звонкий смех и ощущаю отголоски абсолютного, чистого, свойственного лишь детям восторга — ведь спустя почти четыре года жизни в холодной северной Игарке большие и важно вышагивающие по арене слоны действительно кажутся чудом.

После нескольких кадров из цирка появляется другая, чуть более поздняя фотография. На ней снова я, вот только на этот раз грустная и зарёванная. Я сижу на кровати, обиженно надувшись, в глазах стоят слёзы, а на носу краснеет свежая царапина — я уже не помню, как это получилось, наверное, бежала и врзалась во что-нибудь, но даже спустя прожитые годы чувствую, как неприятно болел нос и как обидно от этого было. Тогда папа достал фотоаппарат, чтобы развеселить меня, я любила фотографироваться, и стал специально корчить смешные рожицы, попутно делая снимки. Чем дальше я листаю, тем шире становится улыбка на лице маленькой Даши, а на последней фотографии она уже вовсю хохочет, запрокинув голову. Слёзы высохли, а неприятно ноющий нос давно позабыт, в тот момент,

я помню, меня охватывало лишь всепоглощающее и светлое счастье бытия. Больше ничего мне и не нужно было, чтобы быть самой счастливой в мире: ведь я была дома, где-то за кадром наверняка смеялся папа, делая очередной снимок, а рядом мама любяще улыбалась, глядя на меня. И сейчас, спустя двенадцать лет, я смотрю на эти фото и понимаю, что даже спустя всё это время мама всё так же нежно смотрит на меня, а папа всё ещё вытирает мне слёзы, когда жизнь поворачивает совершенно не туда, куда мне хотелось бы, и я снова и снова теряюсь в этом лесу.

Когда я открываю следующую фотографию, мои глаза уже наполнены влагой. На этом снимке я, встав на стул и смешно раздувая щёки, пытаюсь погасить четыре свечи на розовом праздничном торте. Мне исполнялось четыре, я страшно гордилась этим и говорила всем, какая я уже большая. Следом за фотографией идёт видеозапись.

«Даша, вставай на стульчик и задуй свечи», — говорит мне мама. Я, сонная и всё ещё в пижаме, потерянно оглядываюсь и забираюсь на стул. Смотрю на торт. Не понимаю. «Загадывай желание», — посмеиваясь, подсказывает папа за кадром. «Какое?» — я удивлённо оборачиваюсь и пытаюсь разглядеть папу за камерой. «А чего тебе больше всего хочется? Много-много конфет загадай, хочешь?» Я качаю головой и задумчиво смотрю

на свечки. «Мыльные пузыри», — просто отвечаю я и изо всех сил дую на торт.

Дальше были фотографии из садика, где я крепко держала за руку лучшую подругу — рыжую, веснушчатую девочку-одноручницу. Тогда мы были по-настоящему неразлучны, проводили вместе много времени и клялись, что обязательно будем дружить всегда, всю жизнь. Как жаль, что нам не удалось пронести эту дружбу через годы, но люди уходят, а время идёт, и так будет всегда. Люди будут приходить, покидать, взрослеть, меняться и забывать. Но только моя семья, моя главная в жизни опора, будет со мной до последнего.

В итоге весь вечер проходит за просмотром фотографий. Я плачу, вспоминаю, смеюсь и всё больше осознаю, какая же я на самом деле счастливая. Пусть в детстве мир казался больше, полка с книжками — выше, а мечта стать великой — реальнее, сейчас я чувствую, что почти ничего не изменилось, потому что те любящие люди, что меня окружают, всё ещё со мной. Это чувство поглощает и увлекает меня, я чувствую себя обладателем настоящего и безумно ценного сокровища — такого, которое есть у каждого из нас. Мне хочется подойти и крепко-крепко обнять маму, папу и младшую сестрёнку.

Потому что семья — это то, что действительно важно.